

ИСПАНСКАЯ АВАНТЮРА 1808–1814 ГОДОВ В ВОСПРИЯТИИ ВОИНОВ «ВЕЛИКОЙ АРМИИ» НАПОЛЕОНА

А. А. Егоров, О. А. Ковалева

*Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета*

Поступила в редакцию 17 ноября 2017 г.

Аннотация: *статья посвящена представлению Испанской кампании Наполеона в мемуарах и воспоминаниях солдат «Великой армии» Наполеона Бонапарта. Авторы попытались показать различные аспекты Наполеоновской авантюры в Испании в 1808–1814 гг. так, как они были представлены на страницах их участников – солдат наполеоновской армии, принявших активное участие в событиях войны на Пиренейском полуострове, описанных во множестве их очень интересных мемуаров.*

Ключевые слова: *кампания, война, солдаты, мемуары, воспоминания, авантюра, участники, герилья, агрессия, оккупация, монахи, церковь, фанатизм, король, император, национальное сопротивление, борьба.*

Abstract: *the article is devoted to the representation of the Spanish Campaign of Napoleon in the memoirs and reminiscences of the soldiers of the Great Army of Napoleon Bonaparte. The authors tried to show different aspects of the Napoleonic adventure in Spain in 1808–1814 years as it was described at the pages of its participants – the soldiers of napoleonic army which took an active part in the events of the Peninsula War preserved in the numerous of theirs very interesting memoirs.*

Key words: *campaining, war, soldires, memoirs, reminiscences, adventure, participants, guerilla, aggression, occupation, monks, church, fanaticism, king, emperor, national resistance, struggle.*

Среди внешнеполитических авантур Первой империи самой долгой (в активной фазе она продолжалась почти пять лет: с 1808 по 1812 г.), одной из самых кровавых и, очевидно, самой бесславной была испанская война Наполеона Бонапарта.

Известный теоретик военного искусства XIX в. барон Г. Жомини относил ее к числу «национальных войн, которые ведутся против объединенных людей или огромного их большинства. Они полны благородного желания и решимости отстаивать свою независимость... У захватчика только армия, у его противников есть армия и народ, полностью или почти полностью вооруженный... в общем согласии в деле истребления врага» [1, с. 25, 26–27].

Другой, не менее знаменитый, военный теоретик Карл фон Клаузевиц, сравнивая Испанскую авантюру Наполеона с его Русской кампанией, заявил: «В Испании война превратилась в дело народа... Россия в 1812 г. последовала примеру Испании... Результаты этого потрясут» [2, с. 370].

Рассуждая о своей Испанской кампании, Наполеон говорил: «Эта неудачная война принесла мне одни несчастья; она разобщила мои силы, вынудила меня умножить мои усилия и поставила под удар мои принципы». «...Она нанесла непоправимый ущерб моей нравственной силе в Европе, значительно уве-

личила мои затруднения и создала... учебный полигон для английских солдат. Получилось, что именно я натренировал английскую армию на Пиренейском полуострове». «...Эта неудачная война в Испании стала для нас настоящим несчастьем и первой причиной последовавших бедствий Франции». «...Катастрофические последствия испанской войны привели к внезапному ухудшению общего мнения обо мне и восстановили общественное уважение к Англии» [3, с. 546, 698, 699]. Таким образом, если принять оценку самого Наполеона, то получается, что одна из главных характеристик императором этой войны заключается в эпитете «неудачная». Что касается ее последствий, то о них Наполеон высказался достаточно туманно, так как выражения «мои принципы» или же «ухудшение общего мнения обо мне» представляют собой довольно абстрактную и не очень внятную коннотацию. Что же касается отмеченного им «разобщения сил», «учебного полигона для англичан», «восстановления общественного уважения к Англии», то здесь, напротив, мысль Наполеона сформулирована четко и ясно. Говоря об Испанской войне, император, безусловно, не мог обойти такой важный вопрос, как ее причины. Их, по словам Наполеона, было две. Во-первых, «козни англичан... Нельзя было, – заявил он, – принести Пиренейский полуостров в жертву... Мы не могли оставить Испанию в распоряжении наших врагов у себя за спиной».

Во-вторых, то, что «было абсолютно необходимо связать Испанию с нашей системой...» «Я имел два основания, – говорил император, – для реальных действий: политическую необходимость и силу права» [там же, с. 547].

Лас-Каз в «Мемориале Святой Елены» чуть ли не с восторгом пишет о том, что «император всю вину за неудачи в Испании берет на себя». Но это, конечно, не так. В самом сочинении последнего наполеоновского секретаря то тут, то там встречаются высказывания «узника Святой Елены», где он «щедро» делится ответственностью за катастрофический итог Испанской войны, например, со своим старшим братом Жозефом, которого сам же и «назначил» на должность испанского короля, говоря «о потере всей Испании из-за скверного управления страной беднягой Жозефом, ... чьи планы и их исполнение не соответствовали требованиям дня» [там же, с. 554]. В число «виновников» неудачи его «испанского проекта» попали даже сами ... испанцы. По словам Наполеона, «страна (Испания. – *А. Е., О. К.*) презирала свое правительство, она во весь голос требовала полного обновления. С той высоты, на которую меня вознесла судьба, я считал себя призванным испанским народом, я считал себя достойным того, чтобы мирным путем урегулировать в Испании общенациональный конфликт. Я стремился избежать кровопролития... Я избавил испанцев от их ужасных государственных органов власти, я одарил их либеральной конституцией, я посчитал необходимым поменять им королевскую династию – возможно, это было слишком беспечно... Я надеялся на то, что они (испанцы. – *А. Е., О. К.*) благословят меня, но меня ожидало разочарование: презрев свои интересы, они думали только об оскорблениях в мой адрес. Их охватило чувство возмущения при одной только мысли, что их оскорбляют: они приходили в ярость при виде чужеземных вооруженных солдат и сами брались за оружие. Испанцы как нация вели себя мужественно. Это бесспорно, но если они добивались военных успехов, то их за это жестоко наказывали. Возможно, их следует жалеть... Они заслуживали лучшей судьбы» [там же, с. 547–548]. Своей большой ошибкой в событиях, развернувшихся на Пиренейском полуострове, Наполеон считал «ошибку в выборе средств, ... а не в причинах» [там же, с. 547]. «Одна из крупнейших моих ошибок заключалась в том, – сказал далее император, – что я считал низвержение династии Бурбонов делом наибольшей важности и посадил на испанский трон человека, личные данные и характер которого стали явными причинами провала моих планов» [там же, с. 697–698].

Посмотрим теперь, как события Испанской войны нашли отражение в мемуарах, воспоминаниях и дневниках французских участников похода

1808–1814 гг. Кстати, то, какое важное значение имеют свидетельства непосредственных участников событий, прекрасно осознавали уже современники Наполеоновских войн. Например, тот же Лас-Каз писал 14 июня 1816 г.: «В настоящее время события в Испании хорошо известны благодаря мемуарам их главных участников – каноника Эскоикиса, министра Цеваллоса и другим воспоминаниям – прежде всего достойного и уважаемого господина Лоренте, который под... псевдонимом Неллерто опубликовал мемуары, относившиеся к тому времени и подтвержденные официальными документами» [там же, с. 702].

Начнем с того, какими французам – участникам Испанского похода виделись его причины. Если посмотреть записки воинов «Великой армии» не занимавших сколько-нибудь высших постов, то оказывается, что этот вопрос практически обойден стороной и не попадает в поле зрения мемуаристов. Пожалуй, лишь в мемуарах гусара 2-го гусарского полка Альбера Жана Мишеля де Рокка можно найти упоминание об этом. «Слыша в начале каждой кампании, – не без иронии замечает он, – что они (солдаты «Великой армии». – *А. Е., О. К.*) призваны нанести последний удар пошатнувшемуся могуществу англичан, они ассоциировали это могущество... с Англией... Они рассуждали о расстоянии, которое отделяет их от нее... В конце концов, говорили они, если пустыня отделяла нас от нее в Египте и море – в Булони, то мы доберемся до нее по суше, когда пройдем через Испанию» [4, р. 11]. «Наших солдат, – замечает Рокка, – никогда не интересовало, в какую страну их повезут, но лишь то, есть ли там, куда они идут, удовольствие. Только с этой точки зрения они оценивали всю мировую географию. Мир делился ими на две части – счастливую, где росли виноградники, и отвратительную, где их не было» [Ibid.].

Впрочем, и в мемуарах участников похода, занимавших куда более высокие армейские посты, начало войны в Испании выглядит как нечто совсем стихийное или же спровоцированное случайными событиями явление. Описывая свое приятное пребывание в Париже после окончания изнурительной Первой польской кампании Наполеона, адъютант маршала Нея Октав Левассер пишет: «В то время пока я предавался самым невинным удовольствиям, новая буря разлилась вдали... Я узнал о катастрофе в Аранхуэсе, о падении князя Мира, о поездке императора в Байонну, ... о двойном отречении Карла IV и Фердинанда, о вступлении Жозефа... на испанский престол. Затем я узнал, что возмущенная Испания вся поднялась, как один, и что инсurreкционные хунты призывают народ к оружию, что англичане, всегда готовые извлечь выгоды из наших несчастий, высадились в Кадисе и Лиссабоне. Наконец, со всех сторон

было слышно о том, что Испания и Португалия бьют в набат, поднимая свои народы на борьбу против Франции. Почта не заставила себя ждать, из письма я узнал о поспешном отъезде маршала Нея в Испанию и получил приказ отправляться на границу вслед за ним» [5, с. 121].

Адъютант маршала Ожеро, будущий наполеоновский генерал-лейтенант, барон Жан-Батист-Антуан-Марселин Марбо считал, что «старт» событиям в Испании дало желание Наполеона выдворить англичан из Португалии, которые «сделали из этой земли своего рода колонию... Наполеон давно уже ждал случая прогнать оттуда англичан и разрушить их торговлю. После Тильзита он счел, что время настало... Я понимаю, – замечает далее Марбо, – политические резоны (Наполеона. – А. Е., О. К.), направленные на то, чтобы вынудить Англию присоединиться к всеобщему миру». Как утверждал мемуарист, Наполеон «хотел сделать страну (Францию. – А. Е., О. К.) великой и могучей... Для этого прежде всего надо было лишить могущества Англию, а также оставить в Центральной и Южной Европе только те государства, чьи интересы совпадали бы с интересами Франции. Он (Наполеон. – А. Е., О. К.) считал, что в Испании он встретит не больше сопротивления, чем в Голландии, Вестфалии или Неаполе... Он надеялся, что испанский народ, уставший от придворных безобразий, бросится в его объятия» [6, с. 233–234].

Любопытно замечание, как бы вскользь брошенное Марбо: «Наполеон презирал жителей Пиренейского полуострова. Он считал, что достаточно показать им французскую армию, чтобы привести их к повиновению. Это убеждение обернулось роковой ошибкой» [там же, с. 234].

Довольно интересен вопрос о том, как воины «Великой армии» воспринимали Испанию и испанцев, какое мнение у них сложилось об испанском национальном характере. В той части воспоминаний французских участников похода, кем бы они ни являлись по своему положению в военной иерархии, где речь идет об испанских городах, она звучит почти что в унисон.

Вот, к примеру, какое описание обычного испанского города можно обнаружить в мемуарах гусара Рокка: «Узкие, кривые улочки городов, зарешеченные окна, двери домов всегда тщательно прикрытые, суровый и сдержанный вид жителей, принадлежавших ко всем классам общества, недоверие, которое было повсеместным по отношению к нам, усиливали невольную меланхолию, охватившую нас при вступлении в пределы Испании». А вот как тех же испанцев и их города описывает адъютант Наполеона, граф Филипп де Сегюр. В Испании, по его словам, «все было иначе, чем на наших других фронтах... Не было и тени чего-то общего... Серьезные и замкнутые лица

жителей, их одежда, столь отличная от нашей и такая темная, их узкие, извилистые улицы, зарешеченные окна домов и наглухо закрытые двери, ...вызывающий тошноту запах, ...единственной причиной которого могла быть только грязь...» [7, р. 375].

Зачастую у мемуаристов совпадают и описание собственно Испании, ее пейзажей и природных красот. Участник похода в Испанию в 1809–1811 гг. поручик 26-го пехотного полка Адальберт Дуаси де Вилльаржан, говоря об Испании, вспоминает ее «цветущую, плодородную почву», овеиваемую ее теплыми западными ветрами [8, р. 30].

Лейтенант Императорской гвардии Жан-Батист Баррес, описывая в своем дневнике (3 августа 1810 г.) «местность между Саламанкой и Сьюдад-Родриго», замечает, что это была «настоящая пустыня, совершенно неводеланная земля...», но в то же время вся покрытая вечнозелеными дубами... Эти деревья прекрасные, мощные, с густыми кронами, демонстрировали, что... лишь из-за отсутствия работников эти земли практически необитаемы...» [9, р. 131]. Подчеркивая различия между Испанией и другими сопредельными с Францией странами, Октав Левассер писал: «Находясь в четырех лье от Байонны, кажется, как будто находимся в тысяче миль от Франции. В Испании мало равнин, здесь почти везде холмы, а на горизонте виднеются высокие горы. Много ручьев с многочисленными водопадами, но нет мануфактур, чтобы использовать их энергию. На вершинах скал расположены скорее не дома, а гнезда хищных птиц, построенные еще во времена мавров. На склонах холмов нет ни деревень, ни отдельных домиков, делающих пейзаж оживленным. Везде плодородная почва, но она никем не обрабатывается, только лишь бараны и дикие быки бродят среди высоких трав. Повсюду чувствуется мощь природы, но не человека, исключение составляют лишь пригороды, лишь там видно присутствие цивилизации... В городах, разбросанных на расстоянии четырех или пяти лье друг от друга, жителей немного, и одеты они все, как один, в одежду из грубой шерсти» [5, с. 123].

Единодушны мемуаристы и в том, что касается описания жизни и быта испанцев, который во многих отношениях казался им диким и средневековым. «В этой отсталой стране, – записал, в частности, в своем дневнике 26 января 1810 г. Жан-Батист Баррес, – понятия не имеют о каминах или же кухнях. Комнаты отапливаются жаровнями, наполненными древесным углем; тепла, которое они дают, недостаточно, и коль скоро вы не задохнетесь от удушья, одарят вас головной болью...» [9, р. 127].

Описывая свои первые впечатления, после вступления корпуса маршала Нея в Испанию, Октав Левассер пишет: «Дороги через Пиренеи были уже отмечены тем, что там происходили убийства, особен-

но в окрестностях Мондрагона. Каждый солдат, идущий в одиночку по этим дорогам, почти наверняка погибал. Герцог Эльхингенский послал в разведку вольтижеров, а те в свою очередь захватили вооруженных бандитов, которых маршал приказал повесить на деревьях, стоящих вдоль дороги... Эта Испания, воспетая поэтами и такая красивая, встретила нас лицом, увенчанным гирляндами из трупов» [5, с. 122].

Очень много места в воспоминаниях французов – участников похода 1808–1814 гг. занимают рассуждения о национальном характере испанцев. Однако, пожалуй, лишь двумя из них была сделана более-менее обстоятельная попытка каким-то образом его объяснить, исходя, разумеется, из своих собственных представлений об этом. Речь идет прежде всего о поручике 26-го пехотного полка Адальберте Дуаси де Вилльаржане и гусаре Альбере Жане Мишеле де Рокка. Итак, Вилльаржан. Несколько неожиданно звучит первая фраза его своеобразного «экскурса» в национальный характер испанца: «Обычный испанский характер, – пишет Вилльаржан, – на удивление симпатичен» [3, с. 30]. По мнению мемуариста, испанский национальный характер является своеобразным симбиозом черт их далеких предков – мавров, «самых цивилизованных людей на свете» и «слепой покорности людей двойной тирании двора и духовенства». Все это «отразилось на особенностях характера средних классов, равно как и крестьянства и рабочих, с оттенком покорности в поведении, которая была не столько рабской покорностью, сколько проявлением уважения... В их поведении относительно тех, кто был выше их по положению, я часто замечал определенное высокомерие, которое свидетельствовало об их происхождении от мавританской знати». Испанцы, – подчеркивает Вилльаржан, – очень сильно отличаются от всех прочих наций, от французов, немцев, англичан. «В Испании вы тотчас же чувствуете ощутимую разницу, – пишет Вилльаржан, – не так сильно в языке, как в манерах, внешнем виде и обычаях... Жизнерадостные, остроумные арагонцы, подчеркнута горделивые мадридцы, ...жалкие обитатели деревень старой Кастилии, а в Эстремадуре бесконечная апатия и суровые манеры, что связано, скорее всего, "с изолированностью этой земли из-за плохих дорог и других средств связи... даже с близлежащими провинциями". И все же люди... горды, что происходят... от их прежних правителей... мавров и среди нищеты, с которой они, по-видимому, смирились, они представляют собой превосходных солдат. Лучшие кавалеристы в испанской армии родом из Эстремадуры» [3, с. 33–34]. Показательно, что барон Марбо, фактически солидаризируясь с Вилльаржаном, пишет: «В характере испанцев много сохранилось от арабов. Они фаталисты, поэтому часто гово-

рят: "...Что должно произойти, обязательно произойдет..."» [6, с. 284].

В свою очередь, гусар Рокка считал, что «Испания по крайней мере на сотню лет отстала от других наций на континенте. Удаленное и почти что островное положение страны, суровость ее религиозных учреждений помешали испанцам поучаствовать в дискуссиях и полемике, которые волновали просвещенную Европу в течение XVI в. Они едва ли задумывались по поводу философских теорий XVIII в., которые были одной из причин революции во Франции. Хотя испанцы слишком предавались лени, а... беспорядок и коррупция являлись неизбежным следствием длительного периода господства деспотизма, их национальный характер не был запятнан... Фердинанд Католик, Карл V и Филипп II, в самом деле, ...уничтожили испанскую своду; но слабость правительств при их преемниках всегда оставляла народу, невзирая на деспотизм государя, фактическую свободу, которая часто доходила даже до неповиновения...» [4, р. 284]. «...гордый и свободный народ», – замечает, говоря об испанцах, Марбо [6, с. 249].

В своих мемуарах участники Испанской кампании, разумеется, не обошли вниманием и вопрос о том, почему испанцы вступили в войну с французами. По мнению графа Филиппа де Сегюра, главной причиной этого было вмешательство французов во внутрииспанские дела, в частности в конфликт между инфантом Фердинандом и его отцом, королем Карлом IV. Наполеон, как известно, воспользовался семейной ссорой своих «самых покорных префектов» (по выражению Ж. Фуше) – испанских Бурбонов, устроив фарс двойного отречения правящей династии в Байонне. «Последовательный отъезд (испанских принцев)... усилил всеобщее раздражение. Отношение этих людей (испанцев), которое всегда было суровым, стало мрачным; их терпение в отношении французов сохранялось лишь из-за удивления покорностью принцев, из-за привычки повиноваться и из-за неуверенности относительно происходящего... Но, когда все сомнения были развеяны, когда Мюрат, захватив дворец последнего из Бурбонов, ...возглавил правительство, всеобщий гнев ждал лишь сигнала, а так как хунта в Мадриде не осмелилась его подать, население столицы взяло это на себя. Таково было восстание 2 мая (1808. – А. Е., О. К.). Это случилось в связи с отъездом инфантов дона Антонио и дона Франсиско из столицы». Мятаж в Мадриде стоил жизни 500 французам и 160 инсургентам. Маршал Мюрат, подавивший это выступление мадридцев, предал казни 35 «наиболее виновных». Однако, заметил Сегюр, «месть (французов) содействовала усилению ненависти (испанцев) на том основании, что эти бедолаги были расстреляны без соблюдения христианских обрядов перед смертью» [7, р. 369–370].

«Сражение 2 мая и похищение (испанской) королевской семьи ожесточили испанцев. Все население восстало против правления короля Жозефа», – вторит Сегюру в своих «Мемуарах» Марбо. «Как один человек, – замечает он, – поднялась Испания против французской армии» [6, с. 257].

«Испанцы, – констатирует гусар Рокка, – противопоставили нам сопротивление тем более упорное, что они были уверены, что целью французского правительства было превращение полуострова во второе-степенное государство, окончательно подчиненное господству Франции» [4, р. 6].

Описывая события войны в Испании, ее французские участники немало места уделили фактору религиозного фанатизма местных жителей. Гусар Рокка, например, писал о «власти, которую даже в наши дни сохраняют священнослужители в отдельных католических странах; и особенно в Испании», – подчеркнул он [Ibid., р. 4].

«Испанские священники, – отметил он в другом месте, – ненавидели французоз из патриотических соображений и в силу личного интереса, ибо они хорошо знали о намерении (французоз) упразднить их привилегии и лишить их богатств и светской власти. Их мнение оказало влияние на большую часть нации. Каждый испанец рассматривал общественное дело как свой личный повод к вражде, и вскоре у нас появилось столь же много врагов, с которыми предстояло сражаться, сколько насчитывалось жителей на испанском полуострове» [Ibid., р. 9]. В своих мемуарах об Испанской войне гусар Рокка приводит довольно показательный эпизод. Будучи буквально осажден в доме одной из испанских деревушек, полной местных жителей, он решил удержать с собой рядом попавшего ему под руку священника, «которого, – пишет Рокка, – я мог использовать... в качестве щита в случае необходимости...». Затея удалась. «Викарий... вышел на балкон, громко крикнув жителям, что их главный священник неизбежно погибнет, если они немедленно не разойдутся. Услышав эти слова, женщины издали пронзительный вопль и толпа... мгновенно отступила, столь велико было благоговение, которое испанцы питали к своим священнослужителям» [Ibid., р. 167]. Примерно так же и почти в тех же выражениях, что и Рокка, о влиянии, которым обладало духовенство в Испании, писал и Октав Левассер: «Испанский народ, воспитанный в подчинении священникам, выказывал высшему духовенству самое большое почтение. ...Все это духовенство составляло церковную аристократию, которая, как и положено, относилась пренебрежительно к церковным низам. Последние состояли из трехсот тысяч монахов, живших среди черни, которую они кормили и вели в бой. Большое количество монастырей, некоторые из которых использовались как укреп-

ления в боях против нас, занимали все пространство городов и внешне придавали им огромную протяженность. Если убрать сто монастырей Саламанки, Толосы и тридцать других населенных пунктов, все эти большие города превратятся лишь в маленькие поселения» [5, с. 154].

Рассказывая об осаде Сарагоссы, на которую французы обрушили около 11 тысяч бомб, Марбо в своих мемуарах подчеркнул, что «религиозный фанатизм и священная любовь к родине придавали защитникам города мужество» [6, с. 284].

О том, каким огромным и непререкаемым авторитетом обладало духовенство в Испании, очень живописно поведал в своих мемуарах граф Филипп де Сегюр. Однажды неподалеку от местечка Аранда он угодил в западню. Там его окружила толпа испанцев, угрожавшая ему кинжалами и требовавшая его смерти. «Я, – вспоминал мемуарист, – пытался обнаружить самое слабое место в этом окружении... как вдруг... старый священник бросился ко мне. Он простер надо мной руки, прикрыв меня своим телом, и несколькими словами утишил это буйство. В мгновение ока кинжалы исчезли, ...круг убийц разомкнулся и мне было позволено продолжить свой путь» [7, р. 373]. Впрочем, такое чудесное спасение было скорее исключением из правил.

«Наша французская армия, – пишет Сегюр далее, – на самом деле слишком хорошо почувствовала на себе зверство монашеского гнева, ...ненависть и мстительность, которой были полны сердца оскорбленных испанцев» [Ibid., р. 375]. «Используя небеса как средство поднять против нас землю, они (испанские священники. – А. Е., О. К.) воспламеняли эти суеверные умы ложными чудесами: они заявили, что удар молнии погасил огонь, который горел перед иконой Богородицы... что видели, как рыдали образы святых. С этого времени и повсеместно самыми счастливыми из наших больных, наших отставших, наших старых офицеров, застигнутых врасплох и захваченных испанцами, были те, кого зарезали на месте...» [Ibid., р. 375, 376].

Вторжение в Испанию породило совершенно новый и неведомый доселе солдатам «Великой армии» тип войны, которую сами жители полуострова назвали герильей, или партизанской войной.

В мемуарах французских участников походов 1808–1814 гг. этот заслуживающий внимания факт получил довольно полное отражение. Испанские герильясы, «по определению Сегюра, "свирепые инсургенты", будучи не в состоянии удержать позиции в открытой местности, не испытывая стыда... разбегаются, укрываясь в своих горах...». Но, как отмечает мемуарист, при этом «они не теряют присутствия духа и... уходят в горы, ...чтобы превратить войну в беспрестанные стычки на вражеских флангах,

состоящие из ловушек, засад и убийств... Случается, что после поражения многие из них (испанцев), спасаясь тысячами кружных путей, проходят огромные расстояния, чтобы встать под свои знамена; именно поэтому их армии, хоть и постоянно рассеиваемые, так же постоянно возникают на новых полях сражений и почти в той же численности» [Ibid., p. 377].

Поручик Вилльаржан в своих воспоминаниях рассказывает, как, находясь в провинции Леон близ городка Торо в января 1810 г., по поручению генерала, командовавшего тамошним гарнизоном, был отправлен «охотиться за герильясами». Эта «охота», однако, пишет Вилльаржан, оказалась малорезультативной, ибо «... они (испанские инсургенты. – А. Е., О. К.) были слишком приткими и также очень хорошо знали местность. Не было и речи о сражении по всем правилам, но из-за живых изгородей и оград то там, то здесь на нас вдруг обрушивался град пуль, и единственное наше удовольствие состояло в том, чтобы увидеть дюжину бегущих во всю прыть (герильясов) в том направлении, куда было бы безумием за ними последовать. Я потерял четырех человек в этих засадах» [8, p. 35].

В мемуарах гусара Рокка тактика, применяемая жителями полуострова против интервентов-французов, описывается следующим образом: «В этих гористых провинциях на севере полуострова французы, хотя и всегда победоносные, когда испанцы и португальцы вступали с ними в открытое сражение, тем не менее подвергались нападениям целых полчищ вооруженных горцев, которые никогда не сражались в сомкнутом строю, бок о бок друг с другом, отступая от позиции к позиции, от скалы к скале, до самой вершины, не прекращая стрелять даже во время своего бегства. Подчас требовался целый батальон, чтобы передать приказ другому батальону, находившемуся в отдалении. Раненые, больные или отставшие солдаты, оказавшиеся позади французских колонн, были немедленно убиты. Каждая победа вызвала лишь новый конфликт. Победы становились бесполезными... Силы французских армий истощались из-за отсутствия отдыха, постоянной усталости, ночных дозоров и тревог» [4, p. 108].

Описывая «манеру горцев сражаться», Рокка отмечает: «При приближении наших колонн они отступали от скалы к скале, от позиции к позиции, не прекращая вести огонь или хотя бы на мгновение перестать тревожить нас; во время своего бегства они истребляли целые колонны, не давая нам возможности им отомстить. Эта манера сражаться дала ей название "горных мух", напоминая способ, которым эти упрямые насекомые изводят живых существ, не давая им ни минуты покоя» [Ibid., p. 108].

Примечательной чертой герильи было практически поголовное участие в ней жителей полуострова,

вне зависимости от их пола и возраста. Испания – «страна, – мрачно констатировал Жан-Батист Баррес, – где каждое дерево, каждый куст или камень могут скрывать врага». В мемуарах капитана Куанье упоминается испанский мальчишка 11–12 лет, нарочно заманивавший французских солдат в засаду, а притаившиеся в ней капуцины отрезали им головы [9, p. 128]. «Местное население, – вспоминал Октав Левассер, – косо смотрело на нас, каждый испанец вынашивал план мести. Они не сомневались в наших будущих неудачах». «Арабы, – говорили они, – оставались у нас шестьсот лет, и то мы их выгнали. Мы выгоним вас так же, как и их, и все вы погибните так же, как они» [5, с. 129]. «Успех вторжения, – рассуждал мемуарист, – зависит от морального духа народа. Если нация объединяется вместе со своим правительством в борьбе против врага, она непобедима. Ибо армия – ничто по сравнению с целым народом, когда каждый житель считает необходимым принести смерть врагу ради блага родины. Таково было чувство, воодушевляющее нацию, с которой мы сражались» [Ibid., с. 149]. «Французы были обречены с армией в 400 000 человек, – пишет по этому поводу гусар Рокка, – сражаться против 12-миллионного населения, одушевленного ненавистью, отчаянием и жадной мести» [4, p. 78]. «Из 50 или 60 крестьян разного возраста, которых я допрашивал во многих местах, – вспоминал он, – не нашлось ни одного, который не попытался бы обмануть нас, говоря, что не видел ни одного их партизана...» [Ibid., p. 141].

В другом месте мемуаров лихого гусара находим примечательную картину отступления его части по равнине, которую сопровождали враждебно настроенные испанцы. «Но они, – замечает Рокка, – сразу же уходили, как только мы приближались и занимали вершины холмов, не вступая в бой. Крестьяне из деревень, расположенных близ дороги, стреляли в нас время от времени и со всех направлений; женщины взбирались на скалы... и ликовали по поводу нашего отступления. Они пели патриотические песни, в которых желали гибели всем французам, Великому герцогу Бергскому и Наполеону. Припевом песни всегда служил петушинный крик, который они считали символом Франции» [Ibid., p. 189].

Особенностью партизанской войны в Испании являлась широко применяемая местными жителями тактика выжженной земли, заставлявшая оккупантов тратить огромные силы для того, чтобы раздобыть продовольствие себе и фураж лошадям. «...Безлюдье и опустошение, которые победоносные армии оставляют позади себя, казалось, предшествовали нам везде, куда бы мы ни являлись», – пишет об этом гусар Рокка. «Мы часто меняли нашу дислокацию, – замечает он, – из-за сложности раздобыть фураж и продовольствие. Жители полностью оставляли территории,

оккупированные армией. Перед тем, как уйти, они часто замуровывали в стены то, что не могли унести с собой... Мы привыкли неделями обходиться без хлеба и не имели возможности раздобыть хоть какой-нибудь корм для наших лошадей» [Ibid., p. 23, 86].

Разумеется, самой известной характеристикой Испанской войны была ее беспримерная жестокость. «...Эти кровожадные банды, – не без ужаса записал в своем дневнике Жан-Батист Баррес 1 августа 1811 г., не брали пленных» [9, p. 148]. По свидетельству Сегюра, попавших в их руки французов герильясы «бросали в котел с кипящей водой, ...некоторых даже распиливали... или же сжигали на медленном огне. Среди тысяч жертв таких зверств наши солдаты обнаружили одного из самых замечательных и гуманных генералов, которого они нашли все еще живым, привязанным за шею к придорожному дереву, причем руки и ноги его были отпилены этими чудовищами» [7, p. 376].

Марбо в своих мемуарах приводит другой, не менее ужасный пример подобного рода свирепости герильясов. В конце ноября 1808 г. неподалеку от Тересоны он с отрядом кавалеристов обнаружил «тела двух недавно убитых французских пехотинцев. Их полностью обобрали, оставив лишь кивера... На некотором расстоянии от этого места мы заметили – страшно даже сказать!... – молодого офицера 10-го конно-егерского полка, в униформе, пригвожденного за руки и за ноги к двери сарая! Несчастный был прибит вниз головой, и под ним был разожжен небольшой костер!... К счастью для него, его мучения уже закончились, он был мертв!...» [6, с. 268].

Впрочем, жестокость была обоюдной. «Наши солдаты, – пишет по этому поводу Октав Лавассер, – со своей стороны, использовали все возможности отплатить войной за войну. Не имея повода для расстрела местных жителей, они изобретали его. Подбрасывая патроны к ним в карманы, натирая их ладони порохом, они делали их виновными и расстреливали их, чтобы наказать за преступления, которые сами выдумывали» [5, с. 149].

Очень любопытно то, как французы – участники Испанской войны в конечном счете оценивали это историческое событие. Некоторые оценки носят, правда, вполне персональный, личностный характер. Дневниковая запись Ж.-Б. Барреса от 27 апреля 1811 г. гласит: «...Утром мы форсировали реку Бидассоа. Трудно выразить радость тех, кто составлял эту огромную колонну. Общее "ура" прокатилось по всей линии. Теперь, когда мост был пройден, мы уже могли не страшиться смерти или нужды... Я пробыл на Пиренейском полуострове год, три месяца и тринадцать дней» [9, p. 148–149].

У Сегюра, Рокка и Марбо можно найти куда более развернутую и обобщенную оценку Испанской аван-

тюры Наполеона Бонапарта. В Испанской войне, – считал Сегюр, – «справедливость не была уже больше на стороне наших знамен». Это была «война нации за независимость, ...вроде той, которая спасла нас во времена нашей революции» [7, p. 370].

Рокка называл наполеоновскую кампанию на Пиренеях «несправедливой и бесславной... войной сопротивления, которую нация вправе противопоставить регулярным армиям завоевателей» [4, p. 3]. Это была, по его определению, «иррегулярная (т. е. неправильная) война, непопулярная даже в рядах самой французской армии». «Испанская армия привела Францию к краху, даже не сумев увлечь нацию воинской славой» [Ibid., p. 113]. «Мы могли по справедливости сказать словами Писания, что пожирали собственную плоть и пили нашу собственную кровь в этой бесславной войне во искупление несправедливости дела, за которое сражались» [Ibid., p. 210].

«Я, военный человек, – писал в своих мемуарах Марбо, – сражался с людьми, нападавшими на французскую армию, но в глубине души так и не мог не признать, что наше дело не было правым, что у испанцев была причина так относиться к иностранцам. Ведь, придя как друзья, мы захотели убрать с трона их государей и силой захватить их королевство! Эта война казалась мне несправедливой, но я был солдатом и не мог отказаться от участия в ней, не прослышав трусом! ...Большинство в армии думали, как и я, но продолжали выполнять приказы!» [6, с. 251].

Подводя черту под вышеизложенным, можно констатировать, что мемуары, воспоминания и дневники французских участников Испанской войны являются весьма ценным и информативным источником, дающим всестороннее представление о драматических событиях, развернувшихся на Пиренейском полуострове в 1808–1814 гг. Их авторы с разной степенью обстоятельности все же сумели нарисовать яркую и впечатляющую картину этой, как они выражались, несправедливой войны, первой в ряду тех национально-освободительных войн, которые, в конце концов, привели к краху Великой империи Наполеона Бонапарта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жомини Г. Стратегия и тактика в военном искусстве / Г. Жомини. – М., 2009.
2. Исдейл Ч. Наполеоновские войны / Ч. Исдейл. – Ростов н/Д., 1997.
3. Граф Лас-Каз. Мемориал Святой Елены : в 2 т. / Граф Лас-Каз. – М., 2010. – Т. 1.
4. Memoirs of the War of the French in Spain / by M. de Rocca. – Boston, 1816.
5. Левассер О. Воспоминания о наполеоновских войнах (1802–1815) / О. Левассер. – М. : КЛИО, 2014.
6. Мемуары генерала барона де Марбо. – М. : Эксмо, 2005.

7. An aide-de-camp of Napoleon. Memoirs of general count de Segur of the French Academy. 1800–1812. – N. Y., 1895.

8. *Doisy de Villargennes A. J. Reminiscences of Army Life under Napoleon Bonaparte / A. J. Doisy de Villargennes.* – Cincinnati, 1884.

Институт истории и международных отношений Южного федерального университета

Егоров А. А., доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории и международных отношений

E-mail: egorov1799@mail.ru

Тел.: 8-918-568-66-21

Ковалева О. А., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной истории и международных отношений

E-mail: savchenko-oa@mail.ru

Тел.: 8-928-145-94-15

9. *Barres J.-B. Chasseur Barres / J.-B. Barres.* – Lnd., 2006.

Institute of History and International Relations, Southern Federal University

Egorov A. A., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign History and International Relations

E-mail: egorov1799@mail.ru

Тел.: 8-918-568-66-21

Kovaleva O. A., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Foreign History and International Relations

E-mail: savchenko-oa@mail.ru

Тел.: 8-928-145-94-15